

Кураев Андрей, диак. «Охота на ведьм»

Из книги «Неамериканский миссионер» (гл. «Материалы к реферату на тему «Религия и наука», ч. 2-4).

Итак, сами ведьмы хвастаются своим искусством, причем нередко даже не маскируют свой антихристианский запал. И если обычные люди им поверят — как тогда им реагировать?

Не только русский бунт «бесмысленен и беспощаден», но любой. Люди искренне боялись нечисти и верили в реальность вреда от общения с ней. «Суд Линча» в таких случаях вспыхивал сам собою. Инквизиторы же вырывали обвиняемого из рук толпы и предлагали хоть какую-то формальную процедуру расследования, в которой можно было и оправдаться. И оправдывались (как оправдалась, например, от обвинения в колдовстве мать астронома Кеплера).

Интересно читать на одной и той же странице современной газеты: «В эпоху Средневековья, когда в Европе полыхали костры инквизиции...» [1] и — сообщение о том, что «молодое поколение одной из кенийских деревушек решило последовать примеру средневековой Европы и устроило облаву на ведьм» [2]. При чем здесь «пример Европы»? Помимо того, что как раз в средневековой Европе охоты на ведьм не было, стоит знать, что вера в порчу универсальна, а сторонников черной магии преследовали всюду.

«Законы Хаммурапи» древнего Вавилона гласили: «Если человек бросил на человека обвинение в колдовстве и не доказал этого, то тот, на которого было брошено обвинение в колдовстве, должен пойти к Божеству Реки и в Реку погрузиться; если Река схватит его, его обвинитель сможет забрать его дом. Если же Река очистит этого человека и он останется невредим, тогда тот, кто бросил на него обвинение в колдовстве, должен быть убит, а тот, кто погружался в Реку, может забрать дом его обвинителя» [3]. Речь идет об ордалии — судебном испытании через погружение в воду. Виновного вода обличала тем, что топила; если же обвиняемый выплывал, то это считалось доказательством его невиновности. К ордалии прибегали, вероятно, лишь в случаях преступлений, угрожающих смертной казнью, особенно же при обвинении в недозволенном волшебстве и прелюбодеянии, если это обвинение фактически не доказано обвинителем и свидетелями: по вавилонским воззрениям, вода как чистая стихия непременно изобличит колдуна и прелюбодейку [4]. «При этом, — пишет А. А. Немировский, — надо учесть, что Законы Хаммурапи не представляют собой исчерпывающего свода юридических норм; например, в них отсутствуют статьи, касающиеся простейших преступлений — обычной кражи, убийства, колдовства, хотя присутствуют нормы, связанные с обвинениями в этих преступлениях. Очевидно, нормы, касающиеся таких преступлений, считались общеизвестными» [5].

В Египте в случае мора «в городе Илифии, — пишет Манефон, — заживо сжигали людей, которых называли Тифоновыми, и, провеивая их пепел, рассеивали и уничтожали его» (*Плутарх. Об Исиде и Осирисе*, 73).

Индийские Законы Ману (II век до Р. Х.) предписывали: «За всякие заклинания, за наговоры на кореньях, за колдовство всякого рода — в случае неуспеха — штраф в двести [пан]» (Законы Ману. 9, 290). Наказание было сопоставимо со штрафом за грабеж — около 2 килограммов золота (см.: *Артхашастра*. 3, 17). Однако если результатом колдовства будет смерть, то колдуну — смертная казнь [6]. Кроме государственного наказания, браминами налагаются религиозные «епитимьи» за такие равные друг другу грехи, как «чародейство и колдовство посредством кореньев... незажигание священных огней, воровство, неуплата долгов, изучение ошибочных книг и занятие ремеслом танцора и певца» (Законы Ману. 11, 64 и 66).

Японские законы гласили: «Если кто-либо из-за ненависти изготовит колдовское изображение или письменное заклинание или устно проклянет кого-либо и таким путем вознамерится погубить другого человека, то виновного судить как за заговор с целью убийства со снижением наказания на две ступени (в делах, касающихся родственников, наказание не уменьшать). Если в результате колдовства умрет человек, то в любом случае судить как за действительное убийство... Если для колдовства использованы личные вещи государя, то виновного обязательно повесить» [7]. Другой японский закон содержал «индекс запрещенных книг»: «Нельзя в частных домах хранить: астрономические приборы, сочинения по астрономии, китайские карты; гадальные карты; китайские военные сочинения; книгу предсказаний; за нарушение этого запрета — 1 год каторги» [8].

Законы Двенадцати таблиц Древнего Рима, составленные в V веке до Р. Х., предполагали, что виновный в сглазе мог быть приговорен к смертной казни [9]. Тексты этих законов дошли до нас в неполном виде. В восьмой таблице есть статья (VIII, 8a), начинающаяся с формулировки преступления: «Кто заморозит посевы...» [10], но далее — обрыв текста и формулировка наказания отсутствует. Впрочем, эта лакуна восполняется по цитации этого закона Плинием: «По Двенадцати таблицам, за тайное истребление урожая назначалась смертная казнь... более тяжкая, чем за убийство человека» (Естественная история. 18, 3. 12. 8–9).

Платон мечтал об обществе, в котором закон об отравлении и ворожбе будет выражен так: «...Если окажется, что человек из-за магических узлов, заговоров или заклинаний уподобился тому, кто наносит другому вред, пусть он умрет, если он прорицатель или гадалщик. Если же он чужд искусства прорицания и все-таки будет уличен в ворожбе, пусть его постигнет та же участь, что и отравителя из числа обычных людей; пусть суд решит, какому наказанию его следует подвергнуть» (Законы, 933d). Демосфен «привлек к суду жрицу Теориду и добился этой казни» (*Плутарх*. Демосфен, 14). Теориду обвиняли именно в чародействе, причем казнена она была со всей своей семьей [11].

Так что вполне уместен вопрос Августина: «Может быть, христиане установили эти законы, карающие магические искусства? Разве перед христианскими судьями был обвинен в магии Апулей [12]?» (О Граде Божиим. 8, 19).

Русская «Повесть временных лет» под 1071 годом рассказывает о том, как языческие волхвы в Верхнем Поволжье убивали женщин, обвиняя их в колдовстве. «Явились два волхва из Ярославля, говоря, что «мы знаем, кто урожай держит». И отправились по Волге и, куда ни придут, тут же называли знатных женщин, говоря, что та жито удерживает, а та — мед, а та — рыбу, а та — меха. И приводили к ним сестер своих, матерей и жен своих. Волхвы же прорезали за плечами и вынимали оттуда либо жито, либо рыбу, либо белку и убивали много женщин...». На допросе они пояснили, что убитые ими женщины «удерживают урожай, и если истребим, перебьем их, будет изобилие». Поскольку речь шла о регионе с финно-угорскими традициями, представляется возможным сопоставить этот рассказ с ритуалами мордвы, бытовавшими еще в XIX веке. «Когда наступало время общественных жертвоприношений языческим богам мордвы, специальные сборщики ходили по дворам и собирали всякую снедь, но непременно брали ее у женщин. Обнаженные по пояс женщины, перебросив мешочки с продуктами через плечи, стояли спиной к двери в ожидании сборщиков. Последние отрезали мешочки, укалывая при этом женщину пятикратно в плечо» [13].

Арабский путешественник Абу Хамид ал-Гарнати, посетивший Восточную Европу в середине XII столетия, побывал и в Верхнем Поволжье. Об одном из живущих там племен он поведал следующее: «У них каждые 10 лет становится много колдовства, а вредят им женщины из старух-колдуний. Тогда они хватают старух, связывают им руки и ноги и бросают в реку: ту старуху, которая тонет, оставляют и знают, что она колдунья, а которая остается поверх воды, — сжигают на огне» [14].

Так что неприязнь людей к колдунам совершенно независима от христианства...

Вот франкская «Салическая правда» VI века. Назвать ее памятником христианского права и христианской культуры затруднительно. Это самое что ни на есть «традиционное право» (хоть уже и смягченное влиянием римской правовой культуры и церковной проповеди). И вполне традиционное, «общечеловеческое» отношение к колдовству стоит за его параграфами: «Если кто причинит порчу другому и тот, кому она причинена, избежит опасности, виновник преступления, относительно которого будет доказано, что он допустил его, присуждается к уплате 63 солидов. Если кто-нибудь найдет на другого порчу или положит на какое-либо место тела навязь, присуждается к уплате 62,5 солидов. Если какая-нибудь женщина испортит другую так, что та не сможет иметь детей, присуждается к уплате 62,5 солидов» [15] (Салическая правда, 19). Германское право привнесло в европейскую судебную, уже знакомую нам по вавилонским источникам практику «испытания водою» (Leges visitgothorum. 6, 1, 3) [16].

Как сказал Б. Мелиоранский, «языческие понятия об отношениях религии к государству оказались во много раз живучее самого язычества» [17].

Полторы тысячи лет понадобилось языческим страхам для того, чтобы пронизать собою церковную этику.

«Народная вера в ведьм и в их способность околдовывать людей вплоть до XII–XIII веков считалась «ложным суеверием». Составители пособий для исповеди — пенитенциалиев, или «покаянных книг», распространившихся в Европе с VII века, рассматривали подобные суеверия своих прихожан как «губительную заразу» и неоспоримое свидетельство утраты «истинной веры», а замеченным в ней полагалась двухлетняя епитимья... Католическая Церковь никогда не была замечена в склонности к телесным наказаниям или казни за колдовство. Даже за вредоносное (смертоносное) колдовство полагалось самое большее 7 лет покаяния на хлебе и воде. Собственно, осуждались не столько возможные последствия колдовских действий, успех которых в глазах Церкви был сомнительным, сколько сама вера в их эффективность, означавшая все то же идолопоклонство. Иное дело — реакция светских властей. [В их глазах] колдун подлежал наказанию не за отступление от истинной веры, а за причиненный ущерб... Повторю еще раз: до IX века светское законодательство упорно делало акцент не на самом факте колдовства, а на степени вреда, наносимого колдуном... Отношение официальной Церкви к народной вере в силу взгляда в раннем Средневековье остается не совсем ясным, так как из Евангелия непонятно, верил ли в нее Сам Христос, и теологи этот аспект народных представлений никак не комментируют. Но в народе вера в «дурной глаз» сохранялась на протяжении всего Средневековья, что явствует из перечня вопросов, которые приходской священник должен задавать прихожанам на исповеди. «Покаянные книги» ничего не говорят нам о болезнях и несчастьях, происходящих от «сглаза», зато осуждают веру «некоторых женщин» в возможность взглядом или оговором околдовывать и изводить соседских утят, гусят, цыплят и прочую живность» [18]. И лишь в XIV веке с возможностью «сглаза» соглашаются католические богословы, причем Фома Аквинский при этом ссылается на труды Аристотеля и Авиценны, откуда он выводит, что душа старой женщины чаще бывает исполненной зла, отчего сам взгляд ее становится ядовитым и опасным, особенно для детей (Сумма теологии. 1, 92, 4).

«Первый случай преследования ведьмы произошел в 1498 году» [19]. «Колдовство до XV века мы совершенно не встречаем» [20]. «Колдовство и ведьмовство — явление не очень старое. Собственно говоря, о ведьмах до XV столетия было как будто бы и вовсе не слышать» [21]. «Колдовство было мало распространено в Средние века, да и к концу XV — началу XVI века оно не стало слишком популярным. Церковный собор в Валенсии, проходивший в 1248 году, не отнес колдунов к еретикам и постановил, что дело с ними должны иметь только епископы. В случае нежелания покаяться и при упорстве их приговаривали к тюремному

заключению на срок, определяемый епископом. Вернар Гун говорил, что Святая палата должна заниматься еретиками, а потому почти во всех случаях, когда колдуны представляли перед его трибуналом, он попросту передавал их дела в руки епископских судов... Почти до конца XIV века колдовство считалось делом исключительно Церкви. Светская власть не пыталась ни искоренить, ни терпеть его, а дела колдунов передавались светским судам лишь в редких случаях. Но к 1390 году, несмотря на некоторые попытки пап удержать дела колдунов в пределах обычных церковных дел, мы видим, как показывают документы, что светские суды все чаще признают ересь преступлением и что епископы с инквизиторами переставали вести суды над колдунами» [22].

Массовая же охота на ведьм была отнюдь не средневековым феноменом, а ренессансным и даже новоевропейским. Печально знаменитая книга «Молот ведьм» появилась на свет лишь в 1485 году. Испанская инквизиция была организована в 1478 году. Португальская — в 1540. Римская — в 1542 году. Конгрегация индекса запрещенных книг начала работу в 1571 году. В Россию инквизиция была завезена Петром Первым. И первый российский закон, повелевающий сжигать за чародейство, — это «Артикул воинский», изданный в 1715 году (причем эта норма была взята из Новошведского военного артикула 1683 года). Как справедливо заметил Юрий Лотман, «через окно в Европу тянуло гарью» [23].

Разгар же охоты на ведьм — это середина XVI — начало XVII века. По мнению французского историка Мюшамбле, охота на ведьм была частью просветительской программы: «Собственно колдовство в этот период никак не изменилось. Изменился подход к нему со стороны судей и культурной элиты. Отныне колдовство стало символом народных предрассудков, с которыми боролись королевская власть и миссионеры. Чтобы аккультурировать деревню, надо было изгнать магические верования и обряды. Были ли судьи согласны с этим или нет, но аутодафе позволяли динамичной ученой культуре отбросить и ослабить почти неподвижную и очень древнюю народную культуру, которая с огромной силой противодействовала всяческим изменениям» [24].

А вот сценка из византийской жизни: «В 581 году в Антиохии некто Анатолий-возница с товарищами был уличен в тайном совершении языческих обрядов. Христианская полиция еле спасла обвиненных «служителей беса», «оскорбителей Христа» и «колдунов» из рук разъяренной толпы. Сам патриарх Григорий едва оправдался от подозрений в соучастии; народ притих, ожидая примерной казни Анатолия. Но лишь стало известно, что обвиненные присуждены только к ссылке, как народные страсти вспыхнули с новой силой. Когда ссылаемых стали сажать на шкуру, толпа сбила полицейские наряды, овладела шкурой и сожгла ее вместе с осужденными; сам Анатолий был еще на берегу и был отведен снова в тюрьму. Для удовлетворения народа его осудили на смерть от звериных когтей в амфитеатре» [25].

Дурно ли происшедшее? — Да. Но нельзя не обратить внимание на распределение ролей в этой трагедии. От церковной ли власти исходит инициатива преследования? [26]

Инквизиция же хотя бы предоставляла слово самому обвиняемому, а от обвинителя требовала ясных доказательств...

В итоге — ни один другой суд в истории не выносил так много оправдательных приговоров.

«Согласно настойчиво повторяющейся, хотя и непроверенной легенде, инквизиционные трибуналы средиземноморского региона были фанатичными и кровожадными, а испанская инквизиция являлась самой жестокой из всех. Само слово «инквизиция» давно стало синонимом нетерпимости. Однако когда историки наконец стали систематически изучать огромный массив протоколов инквизиций, были получены совершенно иные результаты, и постепенно начало вырабатываться новое представление о

них. Сейчас, пожалуй, уже можно говорить о всеобщем признании двух принципиальных выводов, хотя исследования еще не завершены. Во-первых, средиземноморские инквизиции были менее кровожадными, нежели европейские светские суды раннего Нового времени. Между 1550 и 1800 годами перед судом инквизиций предстало около 150 тысяч человек, но лишь 3000 из них были приговорены к смерти: большая часть судов крупных европейских стран имеет гораздо более высокие показатели применительно к XVI и XVII векам. Вторым важным выводом состоит в том, что средиземноморские инквизиции, в отличие от светских судов, выглядели более заинтересованными в понимании мотивов, двигавших обвиняемыми, нежели в установлении самого факта преступления. Ранее представлялось, что инквизиторы, тщательно соблюдавшие анонимность своих информаторов, в меньшей степени заботились о правах обвиняемых, чем светские суды. Но последние исследования показывают, что инквизиторы были более проникательными психологами, нежели светские судьи, и оказывались вполне способными прийти к корректному — а зачастую и снисходительному — приговору. В целом они, в отличие от светских судей, почти не полагались на пытку, чтобы убедиться в истинности утверждений обвиняемых. Инквизиторы пытались проникнуть в сознание людей, а не определить правовую ответственность за преступление, поэтому протоколы инквизиторских допросов выглядят совсем иначе, чем протоколы светских трибуналов, и предоставляют историкам богатый материал об обычаях и народных верованиях... В отличие от светского судопроизводства того времени, суды инквизиции работали очень медленно и кропотливо. Если одни особенности их деятельности — такие, как анонимность обвинителей, — защищали информаторов, многие другие обычаи работали на благо обвиняемых. Поскольку инквизиторы в меньшей степени заботились о том, чтобы установить факт совершения преступления — ереси, богохульства, магии и так далее, — но, скорее, стремились понять *намерения* людей, сказавших или сделавших подобное, они главным образом различали раскаявшихся и нераскаявшихся грешников, согрешивших случайно или намеренно, мошенников и дураков. В отличие от многих светских уголовных судов раннего Нового времени, инквизиторы мало полагались на пытку как на средство установления истины в сложных и неясных обстоятельствах. Они предпочитали подвергнуть подозреваемого многократному перекрестному допросу, проявляя подчас удивительную психологическую тонкость, чтобы разобраться не только в его словах и действиях, но и в его мотивах. Инквизиторы были вполне способны рекомендовать светским властям, которые только и могли предать смерти нераскаявшегося еретика, применить смертную казнь, и сами вынесли много суровых приговоров. Однако в основном инквизиторы просто предписывали покаяние различной продолжительности и интенсивности. Их культура была культурой стыда, а не насилия», — пишет американский историк, книга которого в русском переводе увидела свет благодаря Фонду Сороса [27].

Из исследования инквизиционных архивов историков из университета Огайо делается вывод, что инквизиция, встречая дела о колдовстве, «расследовала подобные дела неохотно и карала преступников не слишком сурово. Мягкость инквизиторских приговоров по обвинениям в колдовстве составляет разительный контраст с суровостью светских судей Северной Европы в те же столетия. Удивительно, что испанский *Supremo* уже в 1538 году советовал своим отделениям: инквизиторы не должны верить всему, что содержится в «*Молоте ведьм*», даже если автор «пишет об этом как о чем-то, что он сам видел и расследовал, ибо природа этих дел такова, что он мог ошибаться, как и многие другие», или что филиал римской инквизиции в Миланском герцогстве противостоял местной панике, приведшей в 1580 году в миланские тюрьмы 17 ведьм. Девять из них были оправданы по всем статьям обвинения, еще пять — освобождены после принесения клятвы, одна из них полностью признала свою вину, а две сделали частичные признания, — но даже и эти три отделались незначительными наказаниями. Принимая во внимание такое отношение, не стоит удивляться тому, что немногие были казнены за ведовство по приговору одной из средиземноморских инквизиций (дюжина басков в 1610 году, причем половина из них умерла в тюрьме), невзирая на все предоставлявшиеся для этого возможности. Странно

созерцать огромные папки с собранными инквизиторами бумагами, материалами дел о ведовстве, зная о незначительном реальном ущербе, нанесенном ими людям.

...Поистине настал век Просвещения. Как мы видели, средиземноморские инквизиторы осудили несколько тысяч человек за недозволенную магию, но казнили лишь около дюжины ведьм. Если уж на то пошло, в раннее Новое время они лишали жизни по обвинению в ереси относительно небольшое количество людей. Если сравнить эти данные с числом анабаптистов, убитых в Австрии, Империи и Нидерландах, средиземноморские инквизиции покажутся почти снисходительными. Все двадцать отделений испанской инквизиции в 1540–1700 годах вынесли смертные приговоры всего лишь 775 обвиняемым. Большинство из них по-прежнему составляли иудаизанты, но среди них было и несколько десятков *морисков*, более сотни протестантов (главным образом иностранцев, особенно французов), около 50 гомосексуалистов и несколько баскских ведьм. Из 50 тысяч обвиняемых доля приговоренных к смерти составляет 16%. В Валенсии в 1484–1530 годах было рассмотрено 2000 дел, и практически все они были связаны с иудаизантами, а смертные приговоры составляли 38%. После 1530 года преступлением, каравшимся с наибольшей (сравнительно) суровостью, было скотоложство, которое подпадало под юрисдикцию инквизиции только в Арагоне: здесь мы обнаруживаем 23 смертные казни на 58 приговоров, причем число казненных достигало 40% (по контрасту, число казненных даже среди обвиняемых-иудаизантов теперь составляло 10%)» [28]. «Самые тщательные оценки количества еретиков, казненных в Риме на протяжении первого столетия деятельности инквизиции, насчитывают сотню — по большей части протестантов» [29].

«В первые полстолетия своей деятельности (XV век) инквизиторы приговаривали к смерти на костре до 40% всех судимых. Впоследствии этот процент снизился до 3–4» [30]. Только два процента арестованных испанской инквизицией подвергались пыткам, и те не длились более пятнадцати минут.

Более ранние (а значит, менее документированные и более тенденциозные, но все же научные) публикации полагали, что в целом в Европе «Святой трибунал сжег более тридцати тысяч колдуний» [31]. Тоже чудовищно, конечно. Но все же — не миллионы. На фоне светских репрессий безбожного XX века цифра в 30 000, распределенная по всем странам и нескольким векам, уже не кажется огульной. Инквизиция была оболгана сначала протестантскими, а затем масонскими авторами.

Инквизиция функционировала как учреждение, скорее защищающее от преследований, нежели разжигающее их.

Церковные кары для чародеев были мягче того, что могла бы сделать с ними толпа. Это замечание особенно справедливо в отношении России: за те грехи, за которые в Европе в те века сжигали, на Руси лишь налагали епитимьи. По наблюдению историка, «к великой чести нашего духовенства надо сказать, что у него колдуны отделялись куда дешевле, чем у западного. В том самом XVI веке, когда в Европе пылали костры, на которых горели живьем сотни ведьм, наши пастыри заставляли своих грешников только бить покаянные поклоны... Для наших патриархов, митрополитов и прочих представителей высшего духовенства ведун, ведьма были люди заблуждающиеся, суеверы, которых надлежало вразумить и склонить к покаянию, а для западноевропейского папы, прелата, епископа они были прямо адovým исчадием, которое подлежало истреблению» [32]. Обращает на себя внимание мягкость этих епитимий. Так, в патриаршей грамоте 1586 года на основании Львовского братства предписывается за чародейство «епитимья: 40 дней поклонов, по 100 на день» [33]. Если бы издатель этой грамоты полагал, что колдовство действительно и может по-настоящему навредить человеку, и даже погубить его жизнь и здоровье, или, что еще хуже, привести ко вселению беса в ни в чем не повинного человека, то епитимья должна была бы быть значительно строже и, как минимум, приравняться к епитимье за убийство. Здесь же наказание, несомненно, налагается за реальный вред, нанесенный колдуном прежде всего

себе самому: ведь у него было намерение причинить зло другому человеку. Вот это намерение и каралось законом — как покушение на убийство (пусть даже и с картонным ножом) [34].

Кто разжигал охоту на ведьм, а кто ее сдерживал, видно из обстоятельств, сопутствовавших отмене инквизиции. В России «для конца XIX века в нашем распоряжении есть целая статистика самосудов над колдунами. Изучив 75 упоминаний о волшебстве за 1861–1917 годы, относящихся к великорусским и украинским губерниям, К. Воробец пришла к выводу, что в 48 процентах случаев мир реагировал с «гневом или жестокостью». К числу самых знаменитых случаев относится расправа над вдовой-солдаткой Аграфеной Игнатьевой в деревне Врачевка Тихвинского уезда (1879 г.). Игнатьеву заперли в избе, заколотили окна и подожгли крышу, при чем присутствовало более 300 человек. Как утверждает С. Фрэнк, было трудно обвинить подобных лиц в судебном порядке, поскольку колдовство больше не рассматривалось с правовой точки зрения как преступное деяние, а часто получалось так, что наказывались сами истцы, в то время как колдун оставался на свободе. Как и в случае с конокрадством, крестьяне, столкнувшись с вредоносными чарами и чувствуя, что они не защищены государством, брали дело в свои руки. Следуя этой логике, надо признать, что самосуды возрастали по мере прекращения преследования колдовства сверху... Важно, что, наряду с самосудом, существовали и традиции организованного преследования снизу, когда крестьяне передавали виновного светским властям» [35]. По приговору же суда последнего колдуна в России сожгли за полтора века до этого — в 1736 году (это был симбирский житель Яков Яров, сожженный по приговору Казанской губернской канцелярии. Синод же, не поставленный своевременно в известность, еще четыре года спустя после казни предлагал не казнить Ярова, чтобы не лишать его возможности покаяния [36]).

Вот только три из немалого числа публикаций современной прессы на эту тему: «В Можайске преступник застрелил сразу двух женщин — 64-летнюю Ларису Старченкову и ее 39-летнюю дочь Надежду Самохину. За что? Когда убийцу поймали, он спокойно объяснил: «Меня они заколдовали». Вот что рассказал корреспонденту «Труда» супруг Надежды Самохиной Евгений. «Утром, примерно в девять часов, Лариса Тихоновна начала готовить завтрак. А мы с Надей еще спали. И тут раздался звонок. Я проснулся и за окном услышал крик соседа:

— Прекрати этим заниматься!

— А в чем дело? — спросила Лариса Тихоновна.

— Ты соседа заколдовала до смерти, а теперь до нас добираешься!..

Затем раздалось несколько хлопков, похожих на выстрелы».

Позже выяснится, что их сосед — 51-летний профессиональный фотограф Александр Родионов — выстрелил в голову женщины четыре раза. Родионов признался следователю, что, после того как «колдуньи» сюда перебрались, в округе стали, мол, умирать люди. А все его родственники якобы заболели неизвестным недугом. И тогда он обратился к знахарке, которая сказала, что навела на них порчу соседка. Самое удивительное, что весь этот бред повторила и вроде бы здоровая супруга преступника. А Александр все время повторял: «Если бы я не убил этих колдуний, то они убили бы меня».

Увы, подобные трагедии охоты на ведьм происходят и в других регионах России. До сих пор никто из жителей деревни Знаменки Нижегородской области не может понять, чем 87-летняя старушка не угодила сторожам сельского птичника. Двое парней дважды пытались ее сжечь живьем, решив, что она — колдунья. Женщина чудом избежала гибели, а ее дом сгорел дотла. Дикое преступление было совершено в селе Драбовка Корсунь-Шевченковского района (Черкасская область). В частном доме, принадлежащем 37-летнему местному жителю Михаилу В., возник пожар. Прибывшие на место пожарные обнаружили на веранде обгоревший труп женщины. Позднее ее сожитель признался, что он сжег

женщину потому, что она — «ведьма». Причем спалил он еще и черную кошку женщины, которую тоже заподозрил в связях с нечистой силой» [37].

«В Конго в июне 2002 года проводился «месяц, посвященный избавлению от колдунов». Увы и ах — это не прикол, это слова племенного вождя Ову Судара. Сей глубокоуважаемый муж с нескрываемой гордостью заявил о том, что лично дал указание подданным заняться резней соплеменников. Колдунами и ведьмами, по местным представлениям, являются старики, живущие на окраине селения, как правило — женщины с красными слезящимися глазами. Их выволакивали на улицу, до смерти избивали палками, рубили мачете, забрасывали камнями. Требовали сознаться и назвать имена «подмастерий» и «сообщников». По приблизительным оценкам, таким образом погибло более тысячи человек, сотни бежали, спасаясь от расправы. Очагом охоты на ведьм стал городок Ару в 30 километрах от Судана на границе с Угандой, после чего волна агрессии захлестнула всю северо-восточную часть страны. «Крестьяне говорят, что некоторые люди насылают порчу на других, отчего те заболевают», — сообщил главнокомандующий конголезской армией Генри Тумукунде. Он это сказал к тому, что жители страны в основном обвиняют «колдунов» и «ведьм» в порождении заболеваний, характерных для данного региона. В индийском штате Андхра-Прадеш 200 поселян сожгли заживо по подозрению в колдовстве, якобы погубившем двух человек, пятерых своих односельчан — четырех женщин и мужчину. Их просто взяли, притащили на центральную площадь деревни, не дав раскрыть рта, привязали к дереву, облили керосином и подожгли. В штате Бихар (тоже Индия) местные жители, подозревая в ведовстве, казнили двух женщин в возрасте 90 и 60 лет» [38].

«03.07.2003. В Индии двух женщин, обвиненных в колдовстве, сожгли заживо. Две женщины, обвиненные в колдовстве, были сожжены заживо односельчанами в штате Джаркханд на востоке Индии, сообщает АРР со ссылкой на полицию штата. Представитель полиции заявил агентству, что преступление произошло в одной из деревень, расположенной в 300 км к северу от города Ранчи (столицы штата). В этой деревне, отметил он, преобладающим влиянием пользуется группа — племя годда. Толпа жителей деревни схватила 35-летнюю Бахамаи Киску и 50-летнюю Нанку Хембром. Затем обеих женщин отвели на ближайшее поле, где облили бензином и сожгли заживо. Местные жители обвиняли их колдовстве, из-за которого якобы один из них заболел. Правозащитные ассоциации сделали заявления по поводу жестоких нападений, которым подвергаются женщины в отдаленных деревнях Индии, где колдовская практика широко распространена в племенных общинах. Суеверия, черная магия и вера в злых духов составляют часть традиции племен, живущих в некоторых районах востока и юго-востока Индии. В большинстве случаев семьи жертв и деревенские жители не сообщают об этих нападениях в полицию и племенные лидеры относятся к ним равнодушно. NEWSru.com» [39].

Христианской инквизиции в этих странах и деревнях не было. А вера в колдунов, страх перед ними и охота на ведьм — есть. По законам логики из этого следует вывод, что инквизиция не может считаться причиной охоты на ведьм.

Нет, я не сторонник введения инквизиции. Но и поддерживать антихристианские мифы не считаю нужным.

А именно эти мифы распространяют теософы. Приведа цитату из Е. Рерих: «Инквизиция была установлена не для преследования только жалких ведьм и колдунов, большей частью — медиумов, но для уничтожения всех инакомыслящих. И среди таких врагов, прежде всего, насчитывались все наиболее просвещенные умы, все служители общего блага и истинные последователи заветов Христа». Нынешний рериховский лидер Л. Шапошникова растолковывает: ««Сущность инквизиции есть преследование необычного», — сказано в одной из книг «живой этики». Итак, инквизиция была нужна Церкви, чтобы бороться, в первую очередь, с инакомыслием самого разного толка, чтобы противостоять всему тому новому, что сформировалось в человеческой мысли. В те страшные времена

инквизиторы сжигали десятки, а возможно, и сотни тысяч «ведьм». Сжигали «во имя свое», своей монополии на истину, своего «вечно живого», своего страха перед теми, кто нес народу новые знания, расширяющие его сознание, кто стремился пробиться к нему сквозь плотную завесу его невежества. Неужели действительно можно подумать, как пытается нас убедить диакон, что инквизиция сжигала настоящих ведьм, а не оболганных ею же самой несчастных женщин и «еретиков», чтобы под их дымовой завесой расправиться с более серьезными врагами — такими, как Жанна д'Арк, Джордано Бруно, Ян Гус и им подобные? Чувствуете, как запахло смрадным дымом нечистоплотности и подмен от вышепротитированных строк Кураева?» [40].

На самом деле «нечистоплотно» обвинять целую эпоху в истории человечества, никак не пытаясь понять мотивы действий тех людей. А ведь достаточно для начала поставить хотя бы такие вопросы:

1. Сами ведьмы верили в то, что они ведьмы?
2. Видели ли народные массы в этих женщинах колдуний?
3. Это верование было привнесено в народ церковной проповедью или же оно бытовало еще с дохристианских времен? [41]
4. Существовала ли граница, отделявшая народное ведьмовство от той магии, которой увлекались образованные алхимики и «теурги» эпохи Возрождения и Реформации?
5. Каково среди людей, привлеченных к инквизиционному суду, процентное соотношение тех, кто обвинялся в вероучительных прегрешениях, и тех, кто обвинялся в прямой магии?
6. Воззрения тех людей, что преследовались инквизицией за их взгляды, действительно ли были более «передовые», нежели взгляды самих инквизиторов, или же они были еще более архаичны и представляли собой дохристианские пласты миропредставления? [42]
7. Если окажется верным последнее, то — с точки зрения культурного и научного прогресса — какую же объективную роль сыграла инквизиция в истории Европы? Не окажется ли она подобной роли жестокого реформатора Петра (и, кстати, учредителя русской инквизиции [43]) в истории России?

Без доказательного, основанного на источниковедческой работе ответа на эти вопросы нельзя представлять жертв инквизиции как безусловно прогрессивных людей.

Примечания

- [1] Привалов Д. Увидеть Дубровник — и остаться // Труд. 1998, 10 июля.
- [2] Я тебя напоила антиколдовскою водой // Там же.
- [3] Законы Хаммурапи, 2 // Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран (древность и Средние века). М., 2001. С. 10.
- [4] См.: Волков И. М. Законы вавилонского царя Хаммурапи. М., 1914. С. 69.
- [5] <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/hammurap.htm>
- [6] См.: Эльманович С. Д. Примечания // Законы Ману. М., 2002. С. 388.
- [7] Уголовный закон о мятеже, разбое и грабеже (Дзокуторицу) (702–718 гг.) // Хрестоматия по истории государства и права. С. 548.
- [8] Административно-уголовный закон (Сикисэйрицу) (702–718) // Там же. С. 543.
- [9] См.: Гольцман Е. Е. Дурной глаз и порча. М., 1996. С. 3.

- [10] Памятники римского права. Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана. М., 1997. С. 11.
- [11] «Вы предали смертной казни колдунью Теориду с Лемноса и ее родственников за то, что они изготовляли магические снадобья» (Демосфен. Против Аристогитона. 1, 79).
- [12] Об обвинении философа Апулея в магии см. его книгу «Апология, или О магии».
- [13] Фроянов И. Я. Начало христианства на Руси. Ижевск, 2003. С. 172.
- [14] Цит. по: Фроянов И. Я. Начало христианства на Руси. С. 173
- [15] Для сравнения: за убийство чужого раба пеня 30 солидов; если римлянин ограбит салического варвара, то штраф 63 солида, а если франк ограбит римлянина, то 35. За покушение на жизнь свободного человека — 63 солида.
- [16] О том, что германцы прибегают для установления истины к «испытанию водою», римляне, впрочем, знали и раньше. Императору Юлиану (в середине IV века), по крайней мере, это было известно: «Рейн отнюдь не поступает с кельтами несправедливо, увлекая в свои стремнины незаконных детей и мстя таким образом за оскорбление супружеского ложа; а тех, кого он признаёт рожденными от чистого семени, он выносит на поверхность своих вод и возвращает в объятия трепещущей матери, давая этим спасением ребенка непреложное свидетельство чистоты и непорочности ее брачного союза» (Письмо 15, философу Максиму // Памятники позднего античного ораторского и эпистолярного искусства II—V века. М., 1964. С. 159).
- [17] Мелиоранский Б. М. Из лекций по истории и вероучению древней христианской Церкви (I—VIII вв.): В 2 вып. Вып. 1. СПб., 1910. С. 87.
- [18] Арнаутова Ю. А. Колдуны и святые. Антропология болезни в Средние века. СПб., 2004. С. 51–52 и 84.
- [19] Лозинский С. Г. История инквизиции в Испании. СПб., 1914. С. 287.
- [20] Ли Г. История инквизиции в Средние века: В 2 т. Т. 2. СПб., 1912. С. 489.
- [21] Орлов М. Н. История сношений человека с дьяволом // Амфитеатров А. В. Дьявол. Орлов М. Н. История сношений человека с дьяволом. СПб., 1992. С. 613.
- [22] Мейкок А. История инквизиции. М., 2002. С. 194–196.
- [23] Лотман Ю. М. Об «Оде, выбранной из Иова» Ломоносова // Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка. Т. 42. 1983, № 3, май-июнь. С. 269.
- [24] Muchemplet R. Culture populaire et culture des elites dans la France moderne (XVe — XVIIIe siecles). Paris, 1978. P. 288.
- [25] Мелиоранский Б. М. Из лекций... Вып. 1. С. 90.
- [26] Государственные (а не церковные) законы империи (XI век) предписывали следующее: «Колдуны и знахари, которые к вреду людей обращаются к демонам, подлежат казни мечом» (Эклога 17, 43).
- [27] Монтер У. Ритуал, миф и магия в Европе раннего Нового времени. М., 2003. С. 84–85 и 99.
- [28] Монтер У. Ритуал, миф и магия... С. 90–91 и 94.
- [29] Там же. С. 95.
- [30] Плавский З. Испанская инквизиция: палачи и жертвы. СПб., 2000. С. 58.

- [31] Ли Г. История инквизиции в Средние века. Т. 2. С. 528.
- [32] Орлов М. Н. История сношений человека с дьяволом. С. 656–657. Примеры подобных епитимий см.: Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов: В 3 т. Т. 3. М., 1995. С. 295–296.
- [33] Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. 3. С. 296.
- [34] По правилу митрополита Иоанна II (1077—1089) занимающихся чародейством надлежит сначала отвращать от злых дел словами и наставлениями; если же пребудут неизменными, то в отвращение зла наказать их с большей строгостью, но не убивать и не уродовать их тел, так как этого не допускает церковное учение... А в приговорной грамоте Троице-Сергиева монастыря (в 1555 году) предписывалось изгонять из сел «волхвей и баб ворожей»; причем их можно было побить и ограбить. «Здесь рекомендуется домашняя мера против волхвов: выгнать вон, и делу конец» (Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси: В 2 т. Т. 1. Харьков, 1916. С. 229 и 232). «Весьма замечательно, что наши памятники епитимийного содержания совершенно не содержат указаний на колдовство в западноевропейском смысле: нет указаний на формальную связь человека с дьяволом, на контракты с ним» (Там же. С. 234).
- [35] Лавров А. С. Колдовство и религия в России 1700–1740 гг. М., 2000. С. 368–369.
- [36] См.: Лавров А. С. Колдовство и религия в России... С. 365.
- [37] Золотов О. Инквизитор из Можайска // Труд. 2003, 27 марта.
- [38] Николаева И. Как распознать ведьму? // Аргументы и факты. 2003, 23 марта.
- [39] <http://www.religare.ru/article5678.htm>
- [40] Шапошникова Л. В. Подвижничество диакона Кураева // Защитим имя и наследие Рерихов: В 2 т. Т. 1: Документы. Публикации в прессе. Очерки. М., 2001. С. 345 и 405.
- [41] При ответе на этот вопрос стоит обратить внимание на апологию магии у Вергилия (Буколики. 8, 62–108).
- [42] Даже рериховский ученик А. Клизовский считал, что «заслуга инквизиции заключалась в том, что, сжегши на кострах около десяти миллионов ведьм и колдунов, она удержала многие миллионы от повального увлечения черной магией, от ночных оргий в честь сатаны» (цит. по: Рерих Е. И. Письма. Т. 2: 1934. М., 2000. С. 279). Рерих, конечно, не согласна. А цифра Клизовского, конечно, невероятно преувеличена.
- [43] Интересно, что в России нормы преследований колдунов определялись не церковным правом («Духовным регламентом»), а военным («Артикулом воинским», изданным в 1715 году, и «Уставом морским», изданным в 1720 году).

[Ссылка на источник в Web](#)